

НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ!

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »
СПЕЦНАЗ

Максим ШАХОВ

ИГРУШКА
ИЗ ХИРОСИМЫ

Максим Анатольевич Шахов

Игрушка из Хиросимы

Серия «Спецназ. Группа Антитеррор»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8494539

Шахов, Максим Анатольевич. Игрушка из Хиросимы: Эксмо; Москва;

2014

ISBN 978-5-699-76351-1

Аннотация

В Хиросиме взлетел на воздух завод игрушек. Местная полиция считает, что взрыв – дело рук российских конкурентов, которые уже несколько лет пытаются вытеснить японских производителей со своей территории. Москва не согласна с выводами японской комиссии и полагает, что взрыв связан с деятельностью японской праворадикальной организации, которая борется за присоединение к стране Курильских островов. Такое предположение было выдвинуто, как только стало известно, что управляющий заводом является одним из идейных вдохновителей организации. Майору ГРУ Константину Бондареву приказано на месте разобраться в обстоятельствах дела. Он прилетает в Японию, сходит с трапа, и в следующую секунду неизвестные открывают по нему шквальный огонь...

Содержание

1	5
2	9
3	12
4	15
5	19
6	23
7	29
8	36
9	40
10	49
11	58
12	62
13	68
14	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Максим Шахов

Игрушка из Хиросимы

© Шахов М., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Уходили всемером, возвращались втроем. Пашка Грач, Аякс, Людовик Первый и Горыныч остались лежать в чужой каменистой земле. Ну, это образно выражаясь, что в земле. На самом деле похоронить их не удалось, да и нечего было особенно хоронить. Так, руки, ноги, какие-то ошметки. И оторванная взрывом голова Аякса, провожавшая боевых товарищей тусклым немигающим взглядом. На голову не оборачивались. Один глаз вытек, зубы вышибло – чего там глядеть? Он и при жизни был не красавец, Аякс, ну а после смерти только людей пугать. Михасю ночью во сне привиделся, так он на всю округу заголосил благим матом.

– Охренел? Тебя за десять километров слышать было, – разбудил его тычком в спину Бондарев.

Михась протер кулаками глаза, откашлялся, сипло повинился:

– Извини, Костя. Аякс, гад, приснился. Главное, я ему штуку еще в прошлом месяце вернул, а он опять требует. Без рук, без глаза... Смотреть тошно.

Голос Михася сорвался, он поспешно отвернулся, преувеличенно громко кашляя. Небось ревел, как баба, а слезы скрывал, потому что лить их бойцам спецназа ГРУ не положено. Вот кровь – сколько угодно. Хоть свою, хоть чужую – без разницы.

– Ладно. – Майор Бондарев хлопнул Михася по поникшему плечу. – Забудь Аякса. Нет его больше. Есть только мы. Ты, я, Осьминог. – Он кивнул в сторону дрыхнувшего коротышки с обвязанной по-пиратски косынкой на голове. – В таком составе и выйти обязаны.

– Выйдем, – сказал Осьминог, который, как выяснилось, совсем даже не спал. – Бог троицу любит.

Оказалось – не очень. Или же любит, но не Бог.

На выходе к морю их прижали к земле плотным огнем. Видать, живыми брать решили, освободители Сирии хреновы. Боеприпасов уйма – пали в белый свет, как в копеечку, янки еще подбросят. Налево и направо путь отрезан, по пляжу далеко не убежишь. За спиной море солнечными зайчиками бликует, как на картинке, но туда тоже при дневном свете не сунешься. Прямо перед тремя обгоревшими носами дюна песчаная, потом еще такая, еще и еще. За дюнами целая орда повстанцев с армейскими вездеходами и пулеметами. Короче, дело швах. Чтобы демократическая общественность Сирии взрезанное брюхо песком не набила или в задницу кол не загнала, самое время пулю в лоб пустить.

Вслух Бондарев произнес совсем другие слова, которых от него, как от командира, и ждали. Мол, до темноты продержимся, а там лодка подоспеет. Раз обещали мореманы в этом квадрате быть к четверем утра, то непременно будут. Выходит, каких-то двенадцать часов осталось.

– Ага, – согласился Осьминог. – Только патронов раз-два

и обчелся. Примерно по штучке в десять минут. Долго мы так поотстреливаемся?

– Может?.. – Не договорив, Михась выразительно приложил указательный палец к виску.

– Если опасаясь в штаны наложить, то разрешаю, – презрительно бросил Бондарев и демонстративно отвернулся. – А лично я еще повоюю.

Бойцы переглянулись. Михась посопел неодобрительно, поудобнее располагаясь с автоматом, а потом обронил:

– Про штаны вы это зря, товарищ майор. В бригаде Восьмого подразделения ГРУ засранцы не водятся.

В этом он был прав. Восьмое, то есть диверсионное, подразделение Главного разведывательного управления Генштаба Вооруженных сил Российской Федерации считалось элитным. Вот почему командование решило, что группы из семи человек для выполнения задания хватит, и они, кстати говоря, это задание выполнили.

А было оно не самое простое... хотя и не самое сложное в послужном списке майора спецназа Константина Бондарева.

Ему и его бойцам было приказано скрытно проникнуть в окрестности городка Латакия на средиземноморском побережье Сирии. Соединенные Штаты Америки и Евросоюз уже прислали туда орды дрессированных репортеров, готовых распространить информацию о том, что сторонники законного президента в очередной раз применили химическое оружие. Роль этих сторонников должны были сыграть боеви-

ки-повстанцы, переодетые в сирийскую форму. Ну а «великолепной семерке» из России (переодетой боевиками) предписывалось уничтожить заговорщиков и продемонстрировать всему миру, кто на самом деле намеревался травить газом жителей предместья Латакии.

Если совсем коротко, то со своей задачей спецназовцы справились, но выбраться незамеченными не сумели. И теперь, прижатые к неправдоподобно синему морю, на всякий случай просматривали личные вещи, дабы не оставить при себе какой-нибудь пустячок, способный выдать их причастность к ГРУ или принадлежность к Российской Федерации.

Их оставалось только трое, патронов было всего чуть-чуть, и, как бы они ни храбрились, исход боя был предрешен.

Пара вертолетов возникла из ниоткуда. Материализовалась прямо из прогретого солнцем ноябрьского воздуха.

Нельзя сказать, что на берегу Средиземного моря было жарко, как летом, но на начало зимы это тоже не походило. На начало *русской* зимы, когда кругом белым-бело от снега, а не от песка.

– Братцы, – произнес Бондарев, вглядываясь в горизонт, – это у меня глюки или я действительно «вертушки» вижу?

– «Ми-24», – определил Осьминог. – Полосатики. Прямо на нас прут.

– Наши? – обрадовался Михась.

Пришлось его разочаровать.

– «Вертушки» наши, – сказал Бондарев, – а кто в них сидит и пулеметами шевелит, неизвестно. Приготовились, парни.

– Это есть наш последний и решительный бой, – дурашливо затянул Осьминог.

Ошибся. Потому что если для кого бой и стал последним, то не для них.

Псевдоповстанцев было не меньше шести десятков. Живым не ушел никто. Сперва они пытались отстреливаться из гранатометов – «граников», как называют их в спецназе, – но хватило их ненадолго.

Заходя с разных сторон, вертолетчики с одинаковой точностью дырявили как неодушевленную технику, так и живую силу врага, которая в мгновение ока превращалась в мертвую. Некоторые решили закапываться – по ним пустили ракеты, они так и остались под оплавившимся песком. А у тех, которые пустились наутек, попросту земля горела под ногами. В буквальном смысле, без преувеличений.

– Ох, и лихо же они их раскрасили, – восхитился Михась, когда все закончилось.

Подразумевались ракеты, именуемые «карандашами», но, надо отдать должное вертолетчикам, с пулеметами они управлялись не хуже.

– Лихо, – согласился Бондарев. – Вот только откуда они взялись?

Как выяснилось, вопросы имелись не у него одного. Когда боевики, именовавшие себя повстанцами, были истреблены полностью, один из вертолетов завис над не святой троицей ГРУ.

– Группа майора Бондарева? – осведомился многократно усиленный голос.

Кашляя и отплевываясь от песчаных вихрей, майор подтвердил предположение и две минуты спустя сидел уже внутри «двадцать четверки» вместе с ошалевшими от радости подчиненными. Еще через двадцать минут вертолет пошел на снижение над палубой авианосца.

– Никогда не думал, что наши корабли по Средиземному

моря ходят, – признался Осьминог.

Михась не упустил возможности обыграть забавное прозвище товарища.

– Ага, – сказал он. – Здесь одни только осьминоги водятся.

– Совместные российско-турецкие учения проводятся, – прокомментировал Бондарев. – С того самого дня, когда нас в Сирию забросили.

– Родина слышит, родина знает, – затянул Осьминог, репертуар которого был поистине неисчерпаем.

И это при полном отсутствии музыкального слуха и голоса.

Подмывало приказать ему заткнуться, но Бондареву было лень. Он уже представлял себе, как будет отсыпаться на чистой постели, не ведая, что постели те ждут его в Японии, а сон на них будет достаточно беспокойным.

Вручив Бондареву объемистый пакет, командир корабля, казалось, утратил к нему всяческий интерес. Уткнулся носом в потрепанную лоцию и запыхтел капитанской трубкой, набитой, конечно же, ароматнейшим капитанским табаком. Едва удержавшись от иронической улыбки, Бондарев бегло просмотрел содержимое пакета и вопросительно взглянул на командира. Не отрываясь от лоции, тот указал пальцем на открытый ноутбук:

– Там найдете видеопослание для вас. Только воспользуйтесь наушниками, пожалуйста. Мне ваши секреты ни к чему.

Бондарев просмотрел ролик три раза подряд, чтобы ничего не упустить. Запись была сделана не в рабочем кабинете полковника Борового, хотя обращался к Бондареву именно он. Этим майору давалось понять, что речь идет не о служебном задании, а о неофициальной просьбе. В металлическом голосе Борового звучали непривычные просительные нотки.

Бондарев узнал, что на какой-то фабрике игрушек в Хиросиме произошел взрыв. С прошлого месяца фабрика приступила к выпуску эксклюзивной партии дедов-морозов специально для России, и есть основания предположить, что взрыв подстроил кто-то из российских конкурентов, не желающих уступать рынок японцам. Отводя глаза, Боровой просил разобраться в этом до того, как новости о русских тер-

рористах просочатся в средства массовой информации.

– Как только прибудешь в Токио, – говорил он, – свяжешься с вице-президентом компании, господином Макимото. Он обеспечит тебя кое-какими, гм, инструментами, которые могут тебе понадобиться в работе. Подробные инструкции, документы, адреса, деньги, билеты и прочее в конверте. Вылетаешь из Стамбула, тебя туда доставят. И еще... – Боровой обстоятельно прочистил горло, хотя простуженным отнюдь не выглядел. – Фабрика принадлежит Мизуки Такахито. Нас связывают давние и довольно близкие отношения, так что... Гм! В общем, считай это моей личной просьбой, майор. О которой совсем не обязательно знать нашему руководству.

Разумеется, Боровой не мог видеть Бондарева, и все же тот машинально кивнул. Их с полковником тоже связывали давние и довольно близкие отношения. К примеру, однажды они вместе попали в госпиталь, наспигованные осколками одной и той же гранаты. Короче говоря, Боровой не мог отказать этому Мизуки Такахито, а Бондарев не мог отказать Боровому. Замкнутый круг получался. Круговая порука. А еще это называлось дружбой – слово, которое в отчет не вставишь, к делу не подошьешь.

Находись Бондарев сейчас напротив Борового, он бы сказал:

«Сделаю, товарищ полковник. Хотя, по правде говоря, не нравится мне поручение. Фабрика игрушек какая-то... Де-

ды-морозы... Несерьезно это».

И услышал бы в ответ примерно следующее:

«Серьезней, чем кажется, майор. Понимаешь, если взрыв действительно устроил кто-то из наших соотечественников, то по всей Японии прокатится волна антироссийских настроений. Сам знаешь, как япошки на нас из-за Курил злятся. Их сейчас лучше не дразнить, не то с цепи сорвутся».

Обмен этими фразами не состоялся, да и нужды в том не было. Бондарев вздохнул, удалил видеоролик из компьютера и отправился в выделенную каюту, чтобы успеть хоть немного покемарить перед дальней дорогой.

И снились ему деды-морозы. Без бород, зато с раскосыми японскими глазами.

«Боинг-777» провалился сквозь кудлатый облачный покров, раскинувшийся над Токио, подобно необъятной овечьей шкуре. За минуту до этого Бондарев в десятый или пятнадцатый раз пощупал пачку сигарет в кармане. Он устал от полета, устал от бездействия. И настроение у него было прескверное после разговора с Боровым.

Тот ужасно разозлился, когда Бондарев решил позвонить ему, чтобы выяснить какие-нибудь подробности насчет фабрики игрушек. История со взрывом казалась майору неубедительной. Он не верил, что в игрушечном бизнесе царит столь жестокая конкуренция, чтобы подкладывать друг другу бомбы. И еще больше не верил, что это дело рук соотечественников. Были бы это не игрушки, а наркотики, оружие, секс-рабыни, нефть, в конце концов... Но новогодние деды-морозы? Может, какая-то мистификация? Может, в полковнике проснулось своеобразное чувство юмора?

В общем, Бондарев позвонил. И услышал примерно следующее. Мол, разберешься на месте, майор, для этого и летишь. Не подведи Мизуки Такахито. И не беспокой своего непосредственного начальника по пустякам. Сделаешь, что от тебя требуется, тогда и поговорим. Вот таким путем, майор Бондарев, таким макаром. Действуй. Самостоятельно действуй. За помощью обращай в самом крайнем случае.

Удачи.

И вот теперь Бондарев, толком не вытряхнувший сирийский песок из волос, готовился приземлиться в Стране восходящего солнца, где ему предстояло защищать фабрику игрушек. От одной мысли об этом он внутренне сжимался, словно его, боевого спецназовца, застали за игрой в солдатики. Единственное, что скрашивало его полет, это турецкая стюардесса по имени Лейла. Вполне зрелая, но еще по-девичьи подвижная и гибкая, как антенна, она не отвергала знаки внимания, оказываемые ей русским «бизнесменом Константином Железняком», каковым, как не трудно догадаться, представился ей майор Бондарев.

Когда Лейла прошла по ряду, собирая остатки трапезы, Бондарев многозначительно подмигнул и качнул головой, приглашая проявить к нему особое внимание. Две минуты спустя, поправляя роскошную гриву волос, она присела на подлокотник его кресла и спросила по-английски:

– Вы хотите что-то еще, мистер Шелесняк?

В ее устах этот простенький вопрос прозвучал провокационно. Ну, конечно же, Бондарев хотел ЧТО-ТО ЕЩЕ! И она отлично знала об этом. В темных бархатных глазах турчанки плясали сияющие бесенята, а ее алые губы норовили сложиться в озорную улыбку. Мысленно воздав хвалу эмансипации, Бондарев ответил:

– Я хочу только одного. У меня сегодня свободный вечер в Токио, и я хотел бы провести его с вами.

Полная грудь Лейлы до предела натянула ткань ее форменной блузки.

– Еще вчера я бы ответила вам отказом, – сказала она.

– Да? – вежливо удивился Бондарев, успевший усвоить, что женщины отвечают отказом не чаще, чем дают согласие, так что шансы у мужчин всегда пятьдесят на пятьдесят.

– Правда, – подтвердила Лейла. – Правила запрещают нам встречаться с пассажирами. Но сегодня мой последний рейс, так что мы даже можем выйти из самолета вместе. – Заподозрив, что это будет воспринято, как чересчур поспешная капитуляция, она добавила: – Через неделю у меня свадьба.

«Зачем ты мне это говоришь, милая? – удивился Бондарев. – Я ведь не жениться на тебе собираюсь».

– Поздравляю, – улыбнулся он. – Целых три радостные перемены в жизни.

На гладком лобике Лейлы появились две горизонтальные морщинки, которых там прежде не было.

– Три? – Она принялась перечислять, загибая пальцы: – Бросаю работу... Выхожу замуж... Какая третья перемена?

– Встреча со мной, – просто ответил Бондарев.

Лейла встала, окинув его долгим, оценивающим взглядом, присущим женщинам в моменты важных покупок и выбора спутника жизни.

– Посмотрим, – многозначительно проговорила она, и стало ясно, что вечер растянется до самого рассвета. – А пока пристегнитесь, пожалуйста.

Пока она шла по проходу, обращаясь к пассажирам с той же просьбой, Бондарев не сводил с нее глаз, пытаясь определить возраст, темперамент и наиболее важные параметры ее фигуры, а потом устался в спинку кресла перед собой, прикидывая, сколько времени и денег готов выделить на столь приятное знакомство.

Они увиделись вновь, когда к боку самолета присосался хобот телескопического трапа, втягивая в себя гомонящих пассажиров, словно некий чудовищный пылесос. Лейла стояла у выхода без своих подружек-стюардесс и дружков-летчиков. Улыбнувшись Бондареву, она взяла его под локоть той руки, в которой он нес красочный каталог под названием «Игрушки на все вкусы». В его мозгу промелькнула пара забавных ассоциаций, заставивших его усмехнуться.

Непринужденно болтая, они нога в ногу шагали по переходу за ярко одетой старушкой с лохматой собачонкой на руках. Войдя в здание международного аэропорта Нарита, Бондарев спросил Лейлу, помещана ли она на японской кухне, как все вокруг, и вдруг резкий треск заглушил его голос.

РА-ТА-ТА-ТА-ТА-ТА-ТА!!!

Это очень походило на автоматную очередь, но кто ожидал услышать ее в ультрасовременном токийском аэропорту? Бондарев решил, что это работает отбойный молоток, хотя понятия не имел, что можно делать им в этом храме сверкающего мрамора и искусственного пластика.

А потом он увидел мужчину, держащего в руках все же не отбойный молоток, а самый настоящий боевой автомат с укороченным прикладом. На его голове был черный колпак с прорезями для глаз и рта, ноги он расставил на ширину плеч, ствол остервенело рокотал на уровне его груди.

РАТАТАТАТАТАТА!!!

– Ложись! – крикнул Бондарев, толкая Лейлу в плечо.

Шедшая впереди старушка задержалась, запрыгала, затрясла головой в голубых кудряшках, словно намереваясь показать, как отплясывала шейк в молодости. Собачонка, целая и невредимая, шмякнулась на пол и мохнатой гусеницей заскользила прочь, заглушая выстрелы своим тявканьем. Женщины визжали не менее пронзительно, а мужчины зло орали, расталкивая их и стараясь убраться подальше от линии огня.

Бондарев прыгнул на Лейлу, чтобы прикрыть ее своим телом. Он ожидал, что она болезненно вскрикнет или даже по-

пытается высвободиться, еще не вполне понимая, что происходит, но ошибся. Девушка не сопротивлялась. Отнеслась к падению и выстрелам совершенно равнодушно. Лежала, обмякшая и безвольная, как мешок с тряпьем.

Бондарев не придал этому значения. Его внимание было сконцентрировано на автоматчике и его жертвах. Следом за старушкой пулю получил японец с ярко-желтой шевелюрой, а потом полная дама, застывшая на месте, словно библейский соляной столб. Все трое, сами того не желая, спасли Бондареву жизнь, оказавшись между ним и веером металлических ос, с жужжанием крошащих все на своем пути.

«Ра-та-та-та!.. Ра-та-та-та!.. Ра-та-та-та!..»

Как у всех добропорядочных пассажиров, у Бондарева не было с собой оружия, пронести которое на борт самолета дело заведомо невозможное. Не собирался он и повторять бессмертный подвиг Матросова, бросаясь на пули собственной грудью. Поэтому ему оставалось лишь прижимать к полу неподвижную Лейлу и ждать, чем все это закончится.

А закончилось все очень просто и буднично: снайперскими выстрелами, почти не слышными в общем гвалте.

Хлоп-хлоп-хлоп.

Держа автомат перед собой, человек в черной маске упал вниз лицом и был тотчас скрыт от Бондарева заслоном токийских полицейских. Люди, которые несколько секунд назад разбегались во все стороны, так же дружно повернули обратно, торопясь увидеть свежую, еще теплую кровь, про-

литую не ими. Полицейские безуспешно стремились оттеснить их от места трагедии.

Бондарев все никак не мог заставить себя посмотреть на девушку, неподвижно лежавшую под ним. Существовала вероятность, что она просто потеряла сознание от шока, но мизерная. Точно так же Бондарев расценивал вероятность того, что автоматчику просто вздумалось пострелять по людям. Целились в него. Пули получили те, кто невольно заслонил Бондарева, однако целились именно в него, а не в кого-нибудь другого.

Он знал это.

Чувствовал.

Покушались не на прибывшего в Токио бизнесмена Константина Железняка, интересующегося современными игрушками для младшего и старшего детского возраста. Покушались на Константина Бондарева, майора спецназа ГРУ. Вот кто был настоящей мишенью.

Бондарев посмотрел на мохнатую собачку, мечущуюся среди леса людских ног. Перевел взгляд на Лейлу и поспешно встал, проверяя, не успел ли испачкаться в крови. Красная лужа медленно увеличивалась в размерах и казалась с виду густой, вязкой. Рядом вскрикнула женщина, заметившая три пулевых отверстия в теле турчанки.

Глаза Лейлы были открыты, но ничего не видели. Превжняя жизнь для нее закончилась, новая так и не началась.

Отряхивая брюки, Бондарев украдкой смотрел на нее, ко-

гда услышал голос полицейского, обратившегося к нему на английском, коверкая слова:

– Вы знать эта девушка?

– Нет, я ее не знать, – покачал головой Бондарев, отвечая в том же тоне.

– Тогда отходить назад, – распорядился полицейский, не сильно, но настойчиво отталкивая Бондарева. Отвернувшись, он принялся теснить любопытных: – Назад, все назад!

Люди подчинялись неохотно. Бондарев же поспешил покинуть место кровавой бойни. Он не собирался давать какие-либо показания или делиться своими соображениями. В этом не было смысла, а ему вовсе не улыбалось превратиться в официального свидетеля.

Пройдя пограничный контроль, он отправился за багажом. Скептическое отношение к заданию куда-то пропало.

Аэропорт находился в 60 километрах от Токио, так что добираться туда пришлось экспрессом, который вопреки всему тому, что известно о железнодорожном транспорте Японии, двигался с весьма умеренной скоростью.

Выйдя на станции Уэно в северо-западном округе столицы, Бондарев снова не воспользовался услугами такси, а пересел в метро, где было проще затеряться в толпе. Он по-прежнему был уверен, что стрельба в аэропорту была устроена из-за его не такой уж скромной персоны, и не хотел испытывать судьбу еще раз.

Вице-президент Макимото проживал в тихом и малонаселенном районе Аракава, но Бондарев, несмотря на сумку с вещами, не поленился выйти чуть раньше и прогуляться по парку Уэно, где, несмотря на обилие туристов, было легко обнаружить возможную слежку. Передвигаясь по аллеям, останавливаясь возле буддийских храмов или присаживаясь на скамейки, он не заметил ничего подозрительного и только после этого покинул парк, поймал такси, попросив отвезти его к ближайшему отелю. Таковым оказался «Нео-Токио», где Бондарев привел себя в порядок и немного передохнул после дальней дороги.

К дому Макимото он подкатил не раньше, чем темнота окутала город, позволяя передвигаться более скрытно, чем

днем. Несколько часов, минувших с драмы в аэропорту, не усыпили бдительность майора. Пулевые ранения в теле Лейлы были еще свежи в его памяти, и он не собирался подставляться очередям нового автоматчика. Стоя на углу возле закрытого рыбного магазинчика, Бондарев некоторое время осматривал окрестности, а потом набрал номер Макимото.

– Моси-моси, – произнес в трубку приятный мужской баритон.

Подобно большинству своих соотечественников, Макимото многое перенял у западного образа жизни, но только не привычку говорить по телефону «алло».

– Сталинград, – назвав пароль, Бондарев сделал небольшую паузу и добавил: – Семнадцатое июля.

17 июля 1942 года состоялось первое сражение великой Сталинградской битвы. Господину Макимото (если это был он) предстояло назвать дату ее окончания.

– Второе февраля, – произнес он по-английски. – Правильно?

Беда с этими штатскими! Простейший отзыв неспособны назвать без самостоятельности!

– Правильно, – буркнул Бондарев. По крайней мере, теперь он был уверен, что общается с Макимото и что никто не приставляет господину президенту ствол к его желтому азиатскому лбу.

– Я готов с вами встретиться.

– Я тоже.

– Тогда добро пожаловать ко мне. Что будете пить? Мартини, виски?

– Воду, – сказал Бондарев и выключил мобильник.

Ровно через пять минут он пожимал руку улыбчивому японцу, сумевшему дослужиться до вице-президента «Такахито Той Компани» в своем довольно еще нежном тридцатилетнем возрасте. Он был невысок ростом, смазлив и носил прическу, которая не показалась бы неуместной в шестидесятые годы минувшего столетия.

– Поскольку наша встреча намечалась на завтра, – сказал он, приветливо улыбаясь, – я делаю вывод, что вы столкнулись с некоторыми трудностями.

Английские фразы он произносил отрывисто и с придыханием, отчего создавалось впечатление, что он куда-то спешит.

– Вы угадали, – согласился Бондарев. – Неизвестный в маске устроил стрельбу прямо в аэропорту. Успел уложить нескольких человек, пока его не прикончили полицейские.

Слушая рассказ, Макимото не переставал улыбаться и все кивал, как будто речь шла о каком-то забавном пустяке.

– У вас что, часто стреляют? – спросил Бондарев.

– Случается, – ответил японец. – Большой город, много сумасшедших, много оружия. Я счастлив, что вы целы и невредимы. Если вам понадобится время, чтобы прийти в себя, я сообщу боссу. – Тут он почему-то хихикнул. – Мизуки Такахито не станет торопить вас с визитом.

– У меня другой босс, – напомнил Бондарев. – И мне совсем не обязательно согласовывать свои действия с Такахи-то.

– Да, да, конечно. – Макимото издал еще один не вполне уместный смешок. – Собираетесь задержаться в Токио? Или поедете прямо в Хиросиму? Если да, то могу забронировать вам номер в отеле «Ориентал». Безупречная репутация. Я всегда останавливаюсь там.

– В Хиросиму есть ночные авиарейсы? – с задумчивым видом поинтересовался майор.

– Мне кажется, удобнее добираться по скоростной железной дороге, Токайдо. Синкасэн домчит вас быстрее самолета.

– Синкасэн?

– Поезд-пуля, как мы их называем, – пояснил Макимото. – Сверхскорость и никаких досмотров, понимаете?

– Понимаю, – кивнул Бондарев. – Так что там у вас произошло на фабрике?

– Босс распорядился не докучать вам подробностями до вашего прибытия в Хиросиму. Мое дело снабдить вас оружием и обеспечить вам безопасность во время пребывания в столице.

Последняя фраза сопровождалась очередной улыбкой, которая Бондареву показалась очень уж сладкой. Он почувствовал, что начинает заводиться.

– О какой безопасности вы говорите? Меня сегодня чуть

не изрешетили, как мишень.

– Совпадение, – развел руками Макимото. – Прискорбное совпадение.

– Мне так не кажется. Я считаю, что охотились на меня. Что это за чертовы игрушки, из-за которых устраивают взрывы и нападение на людей в аэропорту?

Макимото ничего на это не ответил. Его губы растянулись еще шире, и он вежливым тоном спросил:

– Итак, вы решили ехать поездом?

– Еще не решил, – буркнул Бондарев. – Если покушались на меня, то им ничего не мешает направить второго автоматчика на вокзал.

– О, это поправимо. Позвоните и зарезервируйте билет на авиарейс в Хиросиму, а сами поезжайте синкасэном. Если киллера действительно прислали Хозяева, то они снова будут искать вас в аэропорту.

– Хозяева?

Макимото опять улыбнулся, но на этот раз нервозно:

– Забудьте!

– Моя профессия состоит в том, чтобы помнить, – возразил Бондарев. – Так что за хозяева?

– Спросите об этом...

– У босса?

– Я рад, что мы так хорошо понимаем друг друга, – произнес японец с видимым облегчением.

Бондарев внимательно посмотрел на него:

– Если я не получаю от вас никакой полезной информации, то, может быть, вы снабдите меня инструментами?

– Инструментами? Ах, да! – Макимото хлопнул себя по лбу, исчез и вернулся с небольшим свертком. – Прошу вас.

Пошуршав плотной упаковочной бумагой, Бондарев обнаружил внутри «вальтер», шесть запасных обойм и стилет в ножнах, предназначенных для того, чтобы крепиться на руке.

Выбор транспорта произошел автоматически. Невозможно было удержаться от соблазна вооружиться прямо сейчас, а не ждать, пока оружие будет переправлено в Хиросиму. Чувствуя себя гораздо увереннее, Бондарев встал и протянул руку на прощание.

Макимото поспешил с рукопожатием.

– Рад был познакомиться, мистер Ш-шелезняк, – сказал он, с трудом выговаривая трудную для себя фамилию. – Всегда к вашим услугам. Если вам не понравится в Хиросиме, вы всегда можете вернуться сюда.

– Конечно, – согласился Бондарев. – Если только до меня не доберутся... Как вы их назвали? Хозяева.

Макимото рассмеялся, ничуть не напоминая при этом искренне веселящегося человека. Возможно, это была уловка, позволившая ему воздержаться от каких-либо комментариев.

«Хозяева, – подумал Бондарев, покидая дом. – Кто такие Хозяева, черт бы их побрал?»

До выезда из Токио синкасэн двигался стремительными рывками, останавливаясь на многочисленных станциях. Бондарев отправился в путешествие утром, поэтому ехать ему пришлось в гуще «роботов», спешащих на работу.

Было странно и непривычно наблюдать, как законопослушные японцы садятся в вагоны, строго соблюдая очередность, причем в соответствии со специальными разметками на платформах. В этот утренний час пик никто никуда не протискивался, никто никого не отталкивал, все происходило чинно и размеренно. А чтобы никого не защемило дверями при отправлении, на каждой станции дежурил работник, подающий сигнал к отправлению.

Почти пятисоткилометровую дистанцию до Хиросимы поезд преодолел за два с небольшим часа, разгоняясь порой до трехсот километров в час. За это время Бондарев успел посетить стерильно чистый туалет, угоститься обжигающим кофе и вдосталь насладиться пейзажами Страны восходящего солнца. Пялиться в окно было одно удовольствие, так как кресла в вагонах вращались вокруг своей оси, позволяя выбирать любую точку обзора. Желание поднять отпало после того, как Бондарев увидел комнатуху для курения, похожую на аквариум. Два япошки с сигаретами «плавали» там в облаках дыма, находясь так близко друг от друга, что их

можно было принять за парочку гомиков.

По прибытии в Хиросиму Бондарев устремился к выходу в общем потоке пассажиров, не забывая выискивать взглядом какого-нибудь очередного автоматчика, присланного по его душу. Он не принадлежал к числу людей, маниакально цепляющихся за собственную шкуру, но и расставаться с нею не собирался. Во всяком случае, добровольно.

С удовлетворением отметив тот факт, что добрался до места назначения живым, Бондарев направился в отель «Ориентал», рекомендованный Макимото. Там уже был забронирован номер 1009. Разумеется, на имя бизнесмена Константина Железняка.

Отель находился в тихом районе близ мемориального Парка Мира, расположенного на территории бывшего округа Накадзима, уничтоженного американской атомной бомбой в августе 1945 года. Прежде чем войти в здание «Ориентал», Бондарев не поленился совершить небольшую ознакомительную прогулку по парку, где попетлял, как заяц, отыскивая признаки слежки.

«Хвоста» он не обнаружил, зато благодаря экскурсии увидел памятник девочке Садако, которая получила смертельную дозу облучения, но верила, что исцелится, если смастерит тысячу бумажных журавликов, исполняющих любое желание. История показалась ему трогательной.

Войдя в отель и потратив пару минут у регистрационной стойки, Бондарев был направлен в свой номер на десятом

этаже. Багаж его весил немного, но, столкнувшись с умоляющим взглядом коридорного, он кивнул ему и позволил завладеть своей сумкой.

Пока они поднимались в лифте, какое-то неприятное жжение в груди заставило Бондарева поморщиться. Чувство опасности походило на изжогу. Отчетливый сигнал о том, что где-то рядом что-то не так.

Следя за световым табло, майор встал так, чтобы можно было стремительно припасть на колени, одновременно выхватывая «вальтер» из-за пазухи куртки. Вряд ли это спасло бы его, если бы снаружи поджидал очередной «черномасочник» с автоматом, но хоть какие-то меры предосторожности создавали иллюзию, что ситуация находится под контролем.

Нет, она не находилась под контролем. Во всяком случае, под контролем Бондарева. Он кожей ощущал дыхание смерти. Словно она была зверем, притаившимся поблизости.

Двери лифта разъехались в стороны, открывая обзор на пустынный холл. Засада не поджидала Бондарева и в пустынном коридоре, хотя ощущение нависшей опасности не исчезло, а, наоборот, усилилось. Он инстинктивно замедлил шаги. Коридорный обогнал его, кося удивленным глазом, поставил сумку на пол и вытянул руку с пластиковой карточкой к двери, на которой отчетливо выделялись четыре выпуклые латунные цифры: 1009.

«Плохое число», – произнес внутренний голос, и Бондарев быстро повернулся к коридорному:

– Стой!

Тот в недоумении замер, а Бондарев полез в карман, чтобы достать оттуда сто иен, что соответствовало одному американскому доллару, и сказал:

– Я сам открою.

– Входит моя обязанность, – расплывшись в улыбке, ответил коридорный на скверном английском языке.

– Я сам, – повторил Бондарев, делая шаг вперед.

– Не надо беспокоиться, мистер Ш-шелезняк.

Буква «ж» давалась парню так же тяжело, как английский. Похоже, это была черта, объединяющая японцев как нацию.

Бондарев сделал еще один шаг вперед, протягивая руку, чтобы забрать магнитную карточку и отправить коридорного восвояси. Что делать дальше, он пока не решил, но твердо знал одно: без предосторожностей в собственный гостиничный номер лучше не соваться.

А меры предосторожности принимать было некогда.

Да и незачем.

Как только карточка оказалась в щели, раздался страшный грохот. Фрагмент двери, с замком и ручкой, с треском вылетел наружу, врезался коридорному в нижнюю часть живота и, словно тряпичную куклу, отбросил его назад. Направленный взрыв никак не затронул находящегося рядом Бондарева, но был так силен, что несчастный японец вышиб спиной дверь напротив злополучного номера 1009.

Это было фантастическое, совершенно невероятное зре-

лице! В полете бедолага двигал ногами, будто ехал задом-наперед на невидимом велосипеде. При ударе в дверь он что-то жалобно выкрикнул и пропал из виду. За ним втянулся гудящий огненный вихрь, который тотчас испарился. На ковровой дорожке между двумя дверными проемами осталась черная полоса копоти.

– Сэкономил на чаевых, – пробормотал Бондарев.

Нет, он не был бессердечным человеком и не питал ни малейшей склонности к черному юмору. Но смерть, пронесшаяся рядом, часто оказывает на людей опьяняющее воздействие. Выжившие в бою балагурят и хохочут, как дети, потому что им необходимо дать какой-то выход эмоциям. Так случилось и с Бондаревым. Уже во второй раз он спасся от неминуемой гибели и испытывал нечто вроде эйфории. Недавнее напряжение, вызванное предчувствием беды, сменилось состоянием необыкновенной легкости.

Подхватив сумку, даже не поврежденную пламенем, майор устремился в номер, расположенный напротив заминированной двери. К счастью, там никого не было. Кроме коридорного в тлеющей одежде. Он умер мгновенно. Середина его туловища представляла собой кровавый фарш, опаленный огнем. Сорванная с петель дверь, на которой он лежал, постепенно покрывалась кровью. На его месте должен был быть Бондарев. С таким же изрешеченным брюхом и сизыми кишками, переставшими уместаться внутри.

Добро пожаловать в Хиросиму!

Позаботившись о том, чтобы не испачкать ботинки, Бондарев пересек комнату и раздвинул штору. Открывать балконную дверь не пришлось – все стекла осыпались наружу.

Хрустя осколками, он вышел на балкон, ступил на пожарную лестницу и спустился двумя этажами ниже. Держа сумку перед собой, разбил стекло балконной двери, просунул руку в образовавшееся отверстие и повернул ручку.

Двое мужчин среднего возраста уставились на него большими, как у лори, глазами. Они были голыми и лежали на кровати валетом. Скривившись, Бондарев прошел мимо, потом остановился и спросил:

– До ю спик инглиш?

– Йес, ай ду, – подтвердил один из мужчин, глаза которого фантастическим образом продолжали увеличиваться в размерах.

– Не покидайте кровать в течение двух часов, – велел Бондарев. – Никого не зовите и никуда не звоните. Понял?

– Йес, ай андерстуд.

– За стекло заплатите сами. Деньги есть?

– Мани? Джаст э момент...

Мужчина сделал попытку вскочить с кровати, чтобы дотянуться до брюк, в которых, по всей видимости, хранился бумажник, но Бондарев мгновенно выхватил пистолет:

– Тебе сказали не слезать с кровати!

Мужчина рухнул на прежнее место. Его товарищ, неудобно вывернув шею, смотрел в дуло пистолета. Взгляд у него

был обреченный.

– Продолжайте, – кивнул Бондарев. – Продолжайте, продолжайте. А о моем визите забудьте. Совсем забудьте.

Убедившись, что мужчины повиновались его приказу, он покинул помещение и спустился в вестибюль, где уже было не протолкнуться от полицейских, журналистов и взволнованных постояльцев.

Самое время поискать другой отель. Не такой шумный и беспокойный.

Резиденция Такахито размещалась в респектабельной части района Нака и была окружена зданиями в традиционном японском стиле. Здесь протекали три крупных притока реки Ота, а с юга район омывался морем, так что было немного сыровато. Ветер носил в свинцовом небе стаи чаек, похожих на клочья бумаги.

До самых сумерек Бондарев катался в такси по улицам, каждая из которых непременно заканчивалась мостом. Занятие оказалось довольно скучным, но нельзя было ехать на встречу с Такахито, не убедившись, что по пятам не следуют таинственные Хозяева, о которых упоминал Макимото.

Кто они такие, черт бы их побрал? Почему прицепились к Бондареву, как репы? Как от них избавиться?

Была надежда, что хотя бы на часть возникших вопросов сумеет ответить господин Такахито. Однако, как ни изнывал Бондарев от нетерпения, он вышел из такси за пару кварталов от нужного дома и пришел сюда пешком, а потом сделал круг, присматриваясь к обстановке.

Уже наступила ночь, и в домах за высокими оградами зажегся свет. Когда майор проходил мимо ворот, он видел ухоженные лужайки, причудливо стриженные кусты и тропки из декоративных камней. Собак не было ни видно, ни слышно. Не заметил Бондарев и кошек.

Его тоже никто не заметил, пока он прогуливался по округе. Удостоверившись в этом, он сделал короткий разбег, подпрыгнул и вскарабкался на ограду, окружающую особняк Такахито. Это был не самый вежливый, зато наиболее безопасный способ познакомиться с хозяином дома. После покушений в аэропорту и отеле Бондарев сделался свехосторожным и вовсе не стыдился этого. Его профессия состояла в том, чтобы грамотно убивать других, а не бездарно погибать самому.

Сидя на ограде, он всматривался в черноту сада, принимался к свежему ночному воздуху и вслушивался в тишину, стараясь уловить какие-нибудьстораживающие движения, запахи или звуки.

Ничего. Никого.

Бесшумно спрыгнув на землю, Бондарев двинулся в обход просторной лужайки, держась при этом в тени деревьев. По дороге ему пришлось обогнуть какое-то деревянное строение, похожее на пагоду, а потом перепрыгнуть через ручей с декоративными водопадами. Мостик, переброшенный через него, годился разве что для маленьких детишек и женщин в очень коротких юбках.

«Или японок в кимоно», – подумал Бондарев, вспомнив семенящую походку тех местных барышень, которые по тем или иным причинам продолжали носить национальные наряды.

Очутившись перед входной дверью, он еще немного по-

медлил, потом дернул за бронзовую цепочку, свисающую чуть ли не до земли. Внутри колокольчики проиграли приятную мелодию из семи или восьми нот.

Дверь распахнулась, и Бондареву пришлось напрячь мышцы лица, чтобы не позволить нижней челюсти отвиснуть. Перед ним стояла настоящая красавица, каких обычно можно увидеть лишь на киноэкране, да и то нечасто. Она не была юной, она не была также слишком молодой, но это лишь придавало ей дополнительное очарование.

«Высоковата для японки, – мысленно определил Бондарев. – Ей за тридцать, но кожа как у ребенка. И эти глаза! Если смотреть в них слишком долго, можно растаять, к чертовой матери!»

– Коничива, – произнесла она низким мелодичным голосом.

Ее великолепно сложенное тело было закутано в бледно-голубой шелк осовремененного кимоно, на шее, запястьях и лодыжках поблескивали золотые цепочки, а высокая прическа удерживалась с помощью изумрудной заколки в форме бабочки.

– Хелло, – откликнулся Бондарев таким хриплым голосом, будто вылез из ледяной проруби.

Впрочем, ему было жарко. Ужасно жарко!

– Хелло, – произнесла красавица по-английски. – Входите, мистер Железняк.

Она была первой японкой, умеющей выговаривать букву

«ж», что делало ее уж совершенно особенной.

– Откуда вы знаете, как меня зовут? – осведомился Бондарев, дважды откашлявшись на протяжении этой короткой фразы.

– Вас описал Макимото, – прозвучало в ответ. – Довольно удачно, должна вам признаться.

Женщина отступила в сторону и наградила Бондарева полупоклоном, что, видимо, выражало гостеприимство. Когда она наклонила голову, изумрудная бабочка на ее голове призывно сверкнула. Колеблясь, Бондарев спрашивал себя, стоит ли соваться в очередную ловушку. Красавица вполне могла оказаться коварной паучихой, заманивающей жертву в расставленные сети.

– Прошу вас, мистер Железняк, – произнесла она, улыбаясь. – Полковник Боровой рекомендовал вас как смелого мужчину, так что не робейте.

И тут Бондарев повел себя как мальчишка. Взял да и переступил порог.

– По правде говоря, я пришел повидать мистера Такахито, – заявил он, очутившись внутри.

Дом словно подчеркивал совершенство хозяйки, представляя собой типично азиатское жилище с тонкими западными мотивами. Полупрозрачные японские перегородки, шелковые гобелены и низкие столы с подстилками вместо стульев прекрасно сочетались с подковообразным кожаным диваном и креслами. На стенах свободно уживались рядом какие-то полотна в стиле модерн и нежные акварели, изображающие журавлей, бамбуковые рощи и заснеженные вершины. Пока Бондарев осматривался, красавица с улыбкой наблюдала за ним. Недовольный тем, что его вопрос повис в воздухе, Бондарев задал новый:

– Он здесь?

Она покачала головой и произнесла своим грудным голосом:

– Мистера Такахито здесь нет. Во всяком случае, в материальном воплощении.

Если бы не ее красота, Бондарев вряд ли позволил бы шутить над собой. Он порядком устал и постоянно думал об охотниках за своей головой. Его нервы были напряжены, а поводов для веселья он не видел. Наверное, женщина почувствовала его состояние, потому что поспешила добавить:

– Мой муж умер десять лет назад.

Брови Бондарева неудержимо поползли вверх.

– Ваш...

– Муж, – кивнула женщина.

– Мистер Такахито? – уточнил Бондарев.

– Совершенно верно. Я – Мизуки Такахито, его жена...

вернее, вдова.

– А я почему-то решил... что Мизуки – мужское имя.

– Нет, как видите.

В доказательство своих слов Мизуки Такахито развела руками, как бы предлагая полюбоваться собой. И Бондарев полюбовался. Не забывая бросать настороженные взгляды на ширму, за которой могли спрятаться сразу несколько человек в черных масках.

Усмехнувшись, Мизуки сложила невесомую перегородку и предложила Бондареву расположиться в одном из кресел или на диване. Он выбрал последний вариант, сел таким образом, чтобы было проще выхватить оружие, и пробормотал:

– Неожиданная новость.

– Разве Боровой не предупредил вас о том, что я женщина?

Бондарев нахмурился, припоминая:

– Он просто попросил помочь своему другу, Мизуки Такахито.

– Я и есть этот друг.

Японка не видела никакой разницы между другом и по-

другой. Бондарев еще раз прикинул ее возраст, а потом вспомнил, сколько лет его командиру, и спросил напрямик:

– Друг или любовница?

– Любовница, – ответила Мизуки. – Бывшая.

– И давно вы встречались в последний раз?

– Очень давно. Тогда мне было пятнадцать, а теперь сорок. – Назвав свой возраст, она бесстрашно посмотрела Бондареву в глаза. – Считайте сами, когда это было.

Он сосчитал, присматриваясь к собеседнице. Да, в ее глазах и губах угадывалась зрелость, но ее кожа была гладкой и упругой. И эти полные груди, натягивающие голубой шелк! Неужели...

Глядя на него, Мизуки покачала головой:

– Никакой пластической хирургии.

Скрывая замешательство, он вытащил сигарету, закурил, не испросив на то разрешения, и произнес:

– Лучше расскажите, что вас может связывать с Боровым.

Ее ноздри, уловившие запах дыма, сузились. Она сходила за пепельницей, сунула ее Бондареву и на этот раз опустилась не на диван, а в одно из кресел, где забросила ногу на ногу и приняла достаточно горделивую позу.

– Юра Боровой был русским шпионом, когда мы познакомились, – начала Мизуки. – Я спасла его жизнь, он спас мою, а потом мы любили друг друга. Долго. Целых одиннадцать дней.

Курить Бондареву расхотелось. Он потушил сигарету и

установился на японку с неподдельным интересом:

– Как же вы встретились?

– Не думаю, что имею право посвящать вас в детали, – заметила Мизуки.

– А в общих чертах?

– Наша семья тогда бедствовала. Компания отца задолжала огромные деньги, его посадили в тюрьму. Мать была в отчаянии, у нее не было работы, она не знала, как прокормить меня и больного братишку. – Японка помолчала, набираясь решимости, а потом закончила: – Случилось так, что меня пришлось отдать в гейши.

– И сколько же лет вам тогда было? – с любопытством взглянул на нее Бондарев.

– Четырнадцать.

– Сколько?!

– Мне еще повезло, – усмехнулась Мизуки. – Некоторых продают в десять.

– Да, очень удачно получилось, – согласился Бондарев.

Японка не уловила его сарказма.

– А год спустя, – продолжила она, – я встретила с Юрой.

– Боровой посещал гейш?

– Он был ранен, его преследовали, он вошел в первую попавшуюся дверь. А я его спрятала и перевязала. Так началась наша дружба.

– Хм. Теперь начинаю понимать.

– Еще нет. Между нами не было секса. Только поцелуи,

ласки. Ведь он был очень слаб, а я слишком молода. – Глаза Мизуки увлажнились. – Но потом он вернулся и выкупил меня. Я поклялась ему в вечной любви. Он сказал, что на родине его ждет невеста. А еще сказал, что эти деньги – пустяк в сравнении с жизнью, которую я ему спасла. – Она украдкой смахнула слезу. – В общем, мы остались должниками друг перед другом. Но больше никогда не виделись. Телефонные звонки, Интернет...

– Очень романтично, – не мог не признать Бондарев. – Но где же полковник Боровой взял деньги? В те времена российских шпионов держали на голодном пайке.

– Ничего не могу утверждать, но как раз в те дни неподалеку от дома, где меня держали, ограбили ювелирный магазин. Преступника задержать не удалось. По приметам, это был светловолосый европеец, невысокий, очень широкоплечий.

– Боровой, – пробормотал Бондарев.

– Я тоже так думаю. Он не признался, конечно. Уехал, а я осталась с семьей. Отца выпустили, потом мне повстречался молодой человек по имени Наджита Такахито. Очень умный, красивый и богатый.

– Как в сказке.

– Как в *самой лучшей* сказке на свете, – уточнила Мизуки.

– Если бы ваша мать знала, что так обернется, – заметил Бондарев, – она бы не стала продавать вас в гейши.

– Она так и не узнала. Умерла незадолго до того, как де-

ла пошли на лад. Я вышла замуж за Наджиту. Он выкупил компанию отца и сам возглавил ее. Отец не стал возражать, когда муж решил переименовать ее в «Такахито Той Компани». Для него было главным, что семейный бизнес процветает снова и можно с гордостью смотреть в глаза окружающим.

– А теперь...

– А теперь, – подхватила Мизуки, – компанию возглавляю я. Отец слишком стар, мать в могиле.

– А брат?

– Ну... У него другие интересы.

Она отвела глаза. Бондарев сразу почувствовал какую-то фальшь в ее голосе. Женщина лгала или что-то утаивала.

– Какие? – уточнил он.

– Разные, – уклончиво ответила японка и поспешила сменить тему разговора. – Скажите, мистер Железняк, когда вы увидели меня, сколько лет вы бы мне дали?

Бондарев решил, что не стоит баловать ее комплиментами раньше времени.

– Лучше вы скажите, миссис Такахито, как вышло, что вы не удивились моему ночному визиту? Я ведь не должен был появиться у вас раньше завтрашнего утра.

– Мне звонил Макимото. Он мне все рассказал, – пожала плечами Мизуки.

– Понятно. Что ж, тогда вернемся к главной линии нашей истории. Почему вы попросили помощи у Борового?

– Это было непростое решение. В прошлый раз, когда мы

беседовали с Юрой по телефону, он сказал, что ушел на пенсию, но я ему не поверила. Такие люди остаются в строю до конца жизни. Служат своему государству, как верные псы. А тут были затронуты интересы России, вот я и решила, что Юра захочет во всем разобраться.

– Почему интересы России?

– Ну как же? – удивилась Мизуки. – Кое-кто обвиняет русских во взрыве на моей фабрике. Разве вы не знали?

– Знал, – буркнул Бондарев, сердясь на себя за рассеянность.

– Честно говоря, я надеялась, что Юра приедет сам.

«Ага, больше полковнику Боровому делать нечего, как навещать подруг своей бурной молодости!»

– Извините, что разочаровал вас, – бросил Бондарев.

– Вы меня неправильно поняли, – покраснела японка.

– Хватит об этом. Давайте о деле.

Тогда Мизуки поведала, что инженеры ее компании запустили в производство серию дедов-морозов, рассчитанных для огромного рынка России и разговаривающих по-русски. Кроме того, они умеют загадывать загадки, рассказывать сказки, шутить, ходить, танцевать и многое другое. Эти игрушечные роботы должны были прийтись по вкусу не только детям, но и их родителям, как это было в Америке, куда компания поставила более десяти миллионов санта-клаусов. Они способны быть друзьями, учителями, механическими слугами. Огромное количество функций делает

их незаменимыми.

– И сколько же стоит это чудо техники? – поинтересовался Бондарев.

– Мы еще не подсчитали окончательно, но игрушка не будет слишком дорогой.

– И какой-то русский бизнесмен, выпускающий обычных ватных дедов-морозов и снегурочек, решил уничтожить вас? У вас есть какие-нибудь факты?

– Так полагает мой управляющий, Хато Харакумо, – нахмурившись, сказала Мизуки. – Он повсюду твердит об этом. И я опасаясь, что, если по городу поползут слухи, это может испортить отношения между нами и вами.

– Вами и мной? – переспросил Бондарев.

Хихикнув, Мизуки покачала головой:

– Между Россией и Японией.

– Ну, по-моему, нынешние отношения трудно чем-то испортить.

– Если у нас начнутся антироссийские демонстрации, Кремль в отместку заставит ваших бизнесменов расторгнуть со мной контракты. И куда я тогда дену дедов-морозов?

Бондарев хмыкнул, глядя на собеседницу. Похоже, при своей красоте и прочих достоинствах она не слишком блистала умом. Как можно было поверить в этот бред про российских конкурентов, подсылающих террористов в Японию? Про Кремль, управляющий игрушечными бизнесменами?

– Все это чушь, – заявил он. – Полная ерунда. Какой до-

стоверной информацией обладает ваш Хато Харакумо? Он что, видел русских на фабрике? А вы рассматривали другие версии?

– Нет, – тихо произнесла Мизуки. – Мне достаточно того, что говорит мой управляющий. Он очень компетентный и уважаемый человек.

Ну да, японцы всегда преклоняются перед авторитетами. Такой же древний обычай, как продавать собственных дочерей. Или тут кроется нечто иное?

– Скажите, Мизуки, – заговорил Бондарев, наблюдая за тем, как возрастает нервозность его собеседницы, – что вам известно об организации, именующей себя «Хозяевами»?

Ее молочно-белая кожа сделалась еще белее. Пальцы впились в колени. Голова наклонилась, предоставив заколке-бабочке искриться и сверкать изумрудными лучами.

– Горе мне! – прошептала она трагическим тоном. – Я ведь чувствовала, что не следует звонить Юрию.

– Что вы имеете в виду? – насторожился Бондарев.

Она подняла на него глаза, переполненные слезами.

– Я имею в виду, что своим звонком я подписала себе смертный приговор. И вы, Константин, станете причиной моей смерти.

Немного поплакав, японка поддалась на уговоры и рассказала о Хозяевах.

Это была террористическая организация, созданная в Хиросиме, но действующая на территории всей страны. Ее врагами являлись все россияне без исключения. За тридцать с лишним лет от рук Хозяев погибло не менее полусотни российских туристов и было закрыто несколько десятков японских фирм, торговавших с Россией. И это только вершина айсберга!

Они называли себя Хозяевами северных территорий. Их вендетта против СССР, а потом и Российской Федерации началась 7 февраля 1981 года, когда впервые отмечался ежегодный День северных территорий.

«Хоппо рёдо но хии» – вот как это звучало по-японски.

– Что за День северных территорий? – поинтересовался Бондарев.

– Праздник в честь заключения Симодского трактата, – пояснила Мизуки. – Это договор о торговле и границах между Японией и Российской империей. Он был заключен еще в девятнадцатом столетии. По нему Японии принадлежала большая часть островов Курильской гряды. Но по итогам Второй мировой войны все они перешли Советскому Союзу.

– А потом России...

– А потом России.

– И что же, – спросил Бондарев, – Хозяева желают пересмотреть итоги Второй мировой?

– Да, – неохотно подтвердила Мизуки. – И каждый год седьмого февраля они обязательно устраивают какие-нибудь акции.

– Что-то припоминаю такое. Пару лет назад ваши националисты мочились на российский флаг у нашего посольства. Полиция, если не ошибаюсь, отказалась проводить расследование.

– В этом году Хозяева забросили в окно посольства гранату. Погибли два человека. И снова полиция бездействует.

– Выходит, они заодно?

– Половина японцев ненавидит вас из-за этих проклятых островов, – призналась Мизуки. – А ваш президент, как специально, раздражил всех, когда снова посетил Курилы. Наш посол отозван из Москвы, вы знаете об этом?

– Нет, – пробормотал Бондарев. – Впервые слышу.

– Так знайте. И будьте настороже.

– Да уж приходится.

– Я не хочу, чтобы вас убили.

– Знаете, тут наши желания совпадают, – усмехнулся Бондарев. – Интересно, почему Боровой не предупредил меня о Хозяевах?

– Юра ничего о них не слышал. Они действуют тайно, а массмедиа молчат об их существовании. Это заговор, насто-

ящий заговор. Хозяевам сочувствуют не только полицейские и журналисты, их поддерживают простые люди. И еще один важный момент.

– Какой?

– Хозяева, – пояснила Мизуки, – запугивают, шантажируют или просто уничтожают людей, которые становятся у них на пути. Если бы они узнали, что я звонила в Россию, а теперь откровенничаю с вами... они могли бы убить не только меня, но и членов моей семьи. Отца, брата, дальних родственников. Они ни перед чем не остановятся.

– Понимаю. А вам не приходило в голову, что взрыв на вашей фабрике могли устроить как раз Хозяева северных территорий?

Это казалось невероятным, но темные глаза японки потемнели еще сильнее.

– Харакумо говорит, что это невозможно. Он обвиняет русских. На месте взрыва были обнаружены фрагменты взрывчатки российского происхождения.

Бондареву не хотелось грубить этой красавице, но обычно женщины другого языка просто не понимают.

– Плевать мне, что говорит Харакумо, я хочу знать, что думаете лично вы!

В который раз за вечер Мизуки опустила голову. Слезинка, сорвавшаяся с ее щеки, оставила темное пятнышко на светло-голубом кимоно. Бондареву было жаль ее, потому что он знал ответ. Мизуки Такахито мялась и выкручивалась,

потому что ей угрожали Хозяева.

– Вы сообщили в полицию о том, что вам угрожали? – спросил он.

– Кто сказал, что мне угрожали? – побледнев, дрожащим голосом проговорила она.

Бондарев тяжело вздохнул. Мизуки не хотела говорить правду. Тогда он решил зайти с другого боку:

– А что думает полиция по поводу взрыва на фабрике? Что показала экспертиза?

– Мы не вызывали полицию.

Ее ответ потряс Бондарева.

– Почему нет? – взревел он.

– В уважаемых компаниях принято держать такие вещи при себе. Ни к чему терять лицо, признаваясь в своей уязвимости. Хато решил, что лучше будет скрыть происшествие. Он обещает во всем разобраться. Ведь это просто промышленный шпионаж.

– Промышленный шпионаж, – повторил Бондарев. – Просто. Поэтому я здесь. Ладно. Все же почему вы не сообщили в полицию об угрозах Хозяев?

– Это невозможно, – печально покачала головой Мизуки. – После того как Россия наотрез отказалась пересматривать договор о Курильских островах и ваш президент трижды побывал там, словно насмехаясь над Японией, японцы настроены к вам... э-э, не слишком дружелюбно.

– Враждебно?

– Многие – да. В том числе и полицейские. Даже если бы мне действительно угрожали и я обратилась бы в полицию, они могут предупредить Хозяев, и тогда... – Японка умоляюще посмотрела на Бондарева: – Но вы должны верить мне, Константин. Мне никто не угрожал.

– О'кей, – поморщился Бондарев. – Не хотите говорить, не надо. Но на следующий вопрос вам придется ответить.

– Какой вопрос?

– Кто знает о вашем звонке Боровому? Кто знает, что я приехал сюда под видом бизнесмена Константина Железняк?

– Я никому не говорила.

– Неужели?

– Никому. Я даже поселилась в отеле «Ориентал», чтобы позвонить в Россию оттуда. Вы же знаете, как легко отслеживаются звонки с мобильных телефонов.

Бондарев знал. И прекрасно помнил отель «Ориентал» с его злополучным номером 1009.

– Но кто-то знал, – настаивал он. – Вы уверены, что никому не проговорились? Например, своему замечательному управляющему Харакумо?

– Абсолютно уверена.

Ее губы плотно сжались, образовав тонкую красную линию, но Бондарева это не остановило.

– А ваша секретарша? Наверняка у вас есть секретарша, ведь так?

– У меня и Хато Харакумо одна общая секретарша. Ее зовут Кйоко Шурингари. Она молода, но работает в компании с шестнадцатилетнего возраста. Мы оплатили ее обучение и...

– Отлично, – оборвал японку Бондарев. – Рад за девушку. Но я здесь не ради нее, я здесь ради вас. И я хочу знать, кто знал о ваших отношениях с Боровым.

– Думаю, никто, – произнесла Мизуки после краткого раздумья. – И секретарша ничего не знала.

– Тогда как насчет Макимото? Вашего вице-президента? Уж он точно что-то знал. Не зря же мне было поручено вступить с ним в контакт по прибытии в Токио. Он снабдил меня оружием. Значит, знал? Как много? Что именно?

На этот раз японка покраснела, а не побледнела.

– Не нужно подозревать Макимото, – выпалила она. – Он один из самых надежных людей в моем окружении. Известно ему очень мало. И он ни за что не предаст меня. Для этого... для этого есть причины.

– Какие?

– Не важно.

Бондарев предположил, что смазливый вице-президент является любовником Мизуки, и не стал углубляться в эту тему. Вместо этого он спросил:

– Скажите, а номер в «Ориентале» вы забронировали сами? Не воспользовались услугами Кйоко? Или отца? Или брата?

– Насчет секретарши я вам уже все сказала, – заявила японка. – Что касается отца, то он живет со мной, но почти не встает с постели после очередного удара. А брат... с ним не все в порядке. Он... он...

– Болен? – предположил Бондарев.

Она кивнула.

– Физически? – Не дождавшись ответа, он сделал новое предположение: – Психически?

Мизуки уставилась на свои ладони, обхватившие колени.

– Он – умственно отсталый.

– Бедняга. И ему тоже угрожают? Как и вам?

Она вздрогнула. В ее глазах промелькнул животный ужас.

– Кто сказал, что нам угрожают?

– Фактически вы сами, – вздохнул Бондарев. – Кто тут жаловался, что подписал себе смертный приговор звонком Боровому? А потом вы добавили, что я стану причиной вашей гибели. Я ничего не напутал?

Она улыбнулась... если это можно было назвать улыбкой.

– Но разве не очевидно, Константин, что Хозяева северных территорий проведали о вашем визите? Вас дважды пытались убить. А раз они знают о вас, то, вероятно, знают, кем и зачем вы посланы. Если даже я пока не под подозрением, то очень скоро все выяснится. Вот что я имела в виду.

– И каким же образом это выяснится? – полюбопытствовал Бондарев.

– Например, вас возьмут в плен и заставят говорить.

– Такое уже случалось. В Уганде, например. Да только без толку.

От ее усмешки мороз пошел по коже.

– Африканцы умеют быть жестокими, – сказала она, – но никто не сравнится с японцами в применении эффективных методов допроса. Даже китайцы.

– Проверю при случае.

Бондарев встал, решив, что вытянул все, что можно было вытянуть из этой азиатской красавицы. Его подмывало сослаться на опасности и попроситься к ней на постой, но она была слишком потрясена, слишком напугана, чтобы пользоваться ее гостеприимством. Поэтому, подавив эгоистический порыв, Бондарев сделал Мизуки совсем другое предложение:

– Давайте встретимся завтра.

– Н-ну... давайте...

– На фабрике, – уточнил Бондарев. – Мы применим военную хитрость.

– Военную хитрость? – переспросила Мизуки, в голосе которой не ощущалось ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего энтузиазм.

– Да. Сделаем вид, что я коммерсант. Делаю бизнес на игрушках. Интересуюсь вашими потрясающими дедами-морозами. Это даст мне возможность побеседовать с Хато Харакумо и Кйоко... Как ее?..

– Шурингари, – машинально подсказала японка, которой

явно не нравилась эта затея.

На ее лице отражалась мучительная борьба. Она хотела послать русского гостя куда-нибудь подальше и одновременно возлагала на него надежды.

– Не волнуйтесь, – успокоил ее Бондарев. – Я буду крайне осторожен. Никому не признаюсь, кто я такой на самом деле. В том числе вашему отцу и брату.

Реплика ее разозлила. В глазах заметались молнии, и она прошипела:

– Я полностью доверяю отцу и брату.

– Я тоже, Мизуки, – произнес Бондарев, как ни в чем не бывало. – Но, как вы сказали, никто не сравнится с японцами по части пыток. Мы не должны допустить, чтобы эти чертовы Хозяева появились здесь, задавая вашим родственникам разные вопросы. Я прав?

Ее улыбка была из разряда тех, которые принято называть жалкими.

– Вы правы. Простите, что я не сразу вас поняла.

В подтверждение искренности своих слов Мизуки встала, поднесла сложенные ладони к груди и поклонилась.

– Да я не сержусь совсем, – торопливо проговорил Бондарев, отмахиваясь.

– И все же прошу простить меня.

– Прощаю, прощаю!

Опасаясь, что японка, чего доброго, упадет перед ним на колени, Бондарев поспешил покинуть дом.

Фабрика игрушек компании Такахито размещалась на одном из шести островов, на которых раскинулась Хиросима. Был он невелик и назывался не слишком благозвучно для русского уха – Канава. Когда-то половину острова занимал огромный завод, превращенный после войны в зеленый парк. Сегодня самым крупным промышленным объектом на острове являлась фабрика Такахито.

Она была большая, современная, с трехэтажным административным зданием. На территории имелись и другие строения, включая обширный приземистый склад. Торец одного крыла, примыкающего к разгрузочному доку, был поврежден взрывом, сильно разрушившим стену и пандус. Часть рабочих восстанавливали бетонное покрытие, а остальные разбирали завал.

Территория фабрики была обнесена высокой оградой из металлической сетки, а поверх ее змеилась спираль колючей проволоки, воскрешая в памяти концентрационные лагеря. Все окна, находящиеся в поле зрения, прятались за надежными железными решетками.

Бондарев приехал раньше, чем следовало. Мизуки на рабочем месте еще не появилась. Когда он позвонил ей, она сказала, что приезжает в офис сразу после полудня, в два часа дня делает длительный перерыв, а потом работает до семи

или восьми вечера.

– Не слишком напряженный график, – прокомментировал Бондарев.

– В Японии, – пояснила Мизуки, – не принято, чтобы владелец предприятия трудился слишком много. Это означает, что он не способен организовать работу должным образом.

– Лох.

– Простите?

– Вырвалось, – буркнул Бондарев. – И чем прикажете заниматься мне?

– Обратитесь к Кйоко Шурингари, она введет вас в курс дела.

Секретарша оказалась на месте, очень милая, жизнерадостная и услужливая, как выдрессированная собачка. Гладкая черная челка до бровей, белая блузка и узкая черная юбка делали ее похожей на опрятную ученицу.

– О, мистер Ш-шелезняк-сан! – воскликнула она. – Какая радость, что вы почтили нас своим присутствием! Миссис Тахито так много о вас рассказывал. Эти скачущие лошадки – замечательная идея. Хотела бы я взглянуть на них.

– Лошадки? – переспросил Бондарев, нахмурился и кивнул: – Да, одно время моя компания занималась лошадками. Но теперь я хочу заняться чем-то новым. Поэтому я здесь.

– Для меня будет большой честью сопровождать вас по фабрике, – радостно прошептала Кйоко.

Бондарев последовал за ней, не обращая внимания на сви-

репые взгляды охранников, которых на территории фабрики было так много, словно тут хранились все золотые запасы Японии. Следить за ней было одно удовольствие. Изящная, худенькая, она носила длинные волосы, подрезанные так же ровно и тщательно, как челка. Ее кожа казалась полупрозрачной, как фарфор. Голосок был звонкий, детский. Видимо, она гордилась им, потому что болтала без умолку. Несмотря на неизгладимое впечатление, произведенное на Бондарева Мизуки, Кйоко не могла не радовать его искусственный мужской взгляд.

Они проделали половину экскурсии, когда он сумел заставить себя поменьше глазеть на привлекательные выпуклости провожатой, чтобы обратить внимание на рабочих в цехах. Собирая бело-синих дедов-морозов с бородой до пояса, они косились на Бондарева с подозрением, ненавистью или страхом.

«Какого черта? – подумал он. – Я ведь всего-навсего бизнесмен, который приехал сюда, чтобы заключить контракт. Это значит, что, благодаря мне работники фабрики получают дополнительный доход, что еще больше счастливых детишек в далекой заснеженной России будут играть с вашими чудесными роботами, обеспечивая вас все новой работой, деньгами, чувством удовлетворения, наконец. Почему же вы смотрите на меня как на врага трудолюбивого японского народа? Чем я вас не устраиваю, маленькие желтолицые друзья?»

Естественно, эти вопросы вслух не произносились, так что ожидать на них ответы было бы глупо. Бондарев и не ожидал. Он глядел, слушал, запоминал. Словно лазутчик на вражеской территории. Что вполне соответствовало действительности.

В той части склада, где рванула мина, особо смотреть было нечего. Рабочие почти успели убрать обломки и осколки, закопченный асфальт и стены поливали водой из шлангов. Несмотря на это, в воздухе все еще ощущался запах кордита, запомнившийся Бондареву по злополучному отелю «Ориентал».

– Жертвы были? – спросил он.

– Не знаю, – ответила Кйоко. – Кажется, нет.

– Кажется, нет, – повторил Бондарев, разглядывая бурую лужицу, до которой не успели добраться водные струи. – Вы звонили в полицию?

– Таких распоряжений мне не давали, – был ответ.

– Прозвучал взрыв, а вы сидели и ждали распоряжений?

– Меня в это время здесь не было.

Торопясь покончить с неприятной темой, Кйоко отвела Бондарева под временный навес, где велась упаковка одинаковых голубоглазых дедов-морозов в синих шубах до пят.

– Это лишь один из пунктов отгрузки, мистер Железняк, – пояснила она. – Заказов очень много, поэтому вся фабрика занимается их выполнением. Давайте пройдем в соседнее помещение.

Бондарев смотрел на новехонькую ленту конвейера, по которой прибывали все новые и новые деды-морозы. Все они

были ростом сантиметров пятьдесят и подозрительно смахивали на уменьшенные копии Льва Толстого. Бондареву захотелось включить одного из роботов или хотя бы взглянуть на них поближе. Он направился к конвейеру, но Кйоко схватила его за рукав.

– В чем дело? – резко обернулся он.

– Позвольте мне показать вам офис конструктора, – пролепетала секретарша, оттаскивая его от конвейера.

– Какого конструктора?

– Я хочу представить человека, который изобрел этих русских санта-клаусов.

– Дедов-морозов!

– О'кей, *тет-тофф мьорософф*.

Вскоре перед Бондаревым предстал инженер, маленький человечек с густой шапкой иссиня-черных волос, похожих на папаху. На мир он смотрел сквозь линзы очков толщиной с порядочное увеличительное стекло. Может быть, он был гениальным конструктором, но при этом оставался никудышным собеседником. Как Бондарев ни бился, ему не удалось выудить ни крупицы полезной информации. Инженер либо «бекал-мекал» по-японски, либо начинал изъясняться совершенно непонятными терминами. Одним словом, толку от него было, как от козла – молока.

А когда этот бесполезный во всех отношениях разговор закончился, Кйоко вывела Бондарева на улицу и заявила:

– Я думаю, на сегодня с вас хватит. Миссис Такахито на-

стоятельно просила не утомлять вас осмотром фабрики. В нашем городе есть и другие места, гораздо более интересные.

– Какие? – мрачно осведомился Бондарев, понявший, что его попросту обвели вокруг пальца.

– Разные, – туманно ответила японочка. – Их много.

– Я никуда не пойду.

– Не надо идти. Мы поедем. Можете сесть за руль, если хотите.

– Что я хочу, так это продолжить производственную экскурсию.

– Невозможно, – вздохнула Кйоко. – Срок выписанного вам пропуска истек. Продолжим завтра, хорошо?

«Плохо», – подумал Бондарев, но смолчал.

Кйоко привела его к своему маленькому потрепанному «Ниссану», довольно скромному по меркам того, кто захотел бы прокатиться на крутом японском автомобиле. Они отправились в путь, переехали по мосту на следующий остров и принялись бесцельно колесить по Хиросиме. Все это время ротик Кйоко не закрывался ни на минуту. Она говорила много и охотно на любые, самые неожиданные темы, а когда Бондарев спрашивал, куда свернуть или как добратсья туда-то, моментально терялась. Ориентировалась в городе она не лучше, чем стрекоза, попавшая в муравейник.

После того как их «ниссанчик» четырежды пересек один и тот же мост, Бондарев решил взять инициативу в свои руки и действительно очень скоро вырулил на одну из центральных

магистралей города. Он собирался спросить, почему Кйоко не позволила ему взять в руки деда-мороза и почему не представила его управляющему, Хато Харакумо, когда она схватилась за руль и резко вывернула его вправо:

– Нам надо туда!

– Нам налево, – возразил Бондарев, чудом избежав столкновения с рыбным фургончиком, на борту которого красовались два влюбленных осьминога. – И вообще, когда веду машину, я предпочитаю, чтобы руль находился только в моих руках.

– Простите меня, – сказала Кйоко, – но я решила, что вам захочется взглянуть на Парк Мира.

– Это где девочка с журавликами? – спросил Бондарев.

– Вы там уже бывали? – На ее симпатичной мордашке проступило такое разочарование, что пришлось соврать.

– Нет, просто слышал.

– Тогда, – оживилась Кйоко, – может быть, вы хотите взглянуть на парк собственными глазами?

Японцы не только глубоко переживают национальную трагедию 1945 года, но и гордятся тем, что сумели выстоять, пережить кошмарный шок и возродиться, словно Феникс из пепла. Им кажется, что все должны непременно разделять с ними чувства по поводу атомной бомбардировки и постоянно помнить о бедствии, постигшем Хиросиму и Нагасаки. У Бондарева язык не повернулся отказать своей маленькой черноглазой спутнице.

– Хочу! – воскликнул он с фальшивым энтузиазмом. – Очень хочу взглянуть на парк собственными глазами.

По прибытии на место Кйоко потащила Бондарева к бетонной арке, под которой плясали языки пламени, и заявила, что огонь будет потушен не раньше, чем на Земле будет уничтожено все атомное оружие.

– В таком случае, – изрек он, – можете считать это вечным огнем.

– Почему?

– Потому что атомное оружие будет существовать до тех пор, пока существует человечество, и исчезнут они одновременно.

– Вы пессимист, – заметила Кйоко.

– Скорее, реалист, – возразил Бондарев.

– Люди обязательно поумнеют.

– В истории примеров тому не существует. Воевали, воюют и будут воевать.

– Нет, если с детства каждый будет знать, что такое война, – заявила Кйоко и повела Бондарева на другой берег реки Ота, где высилось какое-то полуразрушенное здание. – Вот, смотрите, – сказала она, держа его за руку. – Это Гэмбаку дому, Атомный купол. До войны здесь размещался Выставочный центр. Он находился всего в ста шестидесяти метрах от эпицентра взрыва, но уцелел, а все, кто был внутри, погибли. Разве не ужасно?

– Ужасно, – согласился Бондарев. – После той войны по-

ловина СССР лежала в руинах, да и Европе досталось. Не помню точно, сколько миллионов человек погибло. Несколько десятков. И что? После этого войны прекратились?

Кйоко вздохнула, подумала немного, а потом спросила:

– Скажите, а сколько русских погибло на войне?

– Не только русских. В Советском Союзе разные народы жили. По одним оценкам, в сорок пятом не досчитались двадцати миллионов. По другим – в два раза больше.

– А в Хиросиме и Нагасаки около двухсот тысяч. Это получается... это получается...

– Что? – спросил Бондарев.

– Ужас получается, – заключила Кйоко. – И вы это пережили?

– Как видите.

– Вот, значит, какие вы, русские...

– Какие?

– Знаете, – неожиданно предложила японка, – поехали ко мне.

– Распоряжение миссис Такахито?

– Нет, – ответила она, увлекая его в сторону автостоянки, где их дождался выдавший виды «Ниссан». – Это моя инициатива. Вы согласны?

– Ну...

Это было единственное слово, произнесенное Бондаревым. Он замолчал и не открывал рта до конца поездки.

Кйоко проживала в небольшой, но со вкусом обставленной и довольно элегантной квартире. Несмотря на закрытые окна, был слышен неумолчный гул автомобилей. Пожалуй, это было единственное, что Бондарев смог бы наверняка сказать о ее жилище. Потому что, едва переступив порог, девушка обернулась и заключила его в свои объятия. Не проявляя стремления слиться с Бондаревым в страстном поцелуе, она энергично двигала бедрами, пока не соскользнула и упала перед ним на колени.

– погоди, – попросил он. Без всякой уверенности в тоне.

– Ни о чем не беспокойся, – пробормотала она, нащупывая его возбужденную плоть сквозь ткань брюк.

– Я сказал, погоди! Хватит!

– Не хватит. Я тебя хочу.

Не сговариваясь, они перешли на фамильярную манеру общения, что на английском языке получилось практически незаметно. Ведь местоимение «you» означает как «ты», так и «вы». Все остальное зависит от построения фраз.

Вразумительные фразы очень скоро иссякли. Остались одни только междометия и чувства. Бондарев потерял способность думать.

Кйоко оказалась весьма искушенной в сексе или, как принято говорить, в любви. Она наслаждалась сама и позволя-

ла Бондареву получать удовольствие от каждого сантиметра своего прекрасного тела. Но для того, чтобы поддерживать огонь, необходимо топливо, и через два-три часа любовники пришли к выводу, что им необходимо подкрепиться.

Кйоко отвезла Бондарева в первоклассный морской ресторан, расположенный на одном из шести островов, соединенных между собой восемью десятками мостов.

Заведение оказалось довольно экстравагантным. За стеклянной стеной находился специальный зал для любителей рыбной ловли. Получив снасти, посетители самостоятельно вылавливали из цистерн будущие ингредиенты для своей трапезы.

– Там можно поймать и суши, и сашими, и суяки, – пояснила Кйоко, посмеиваясь. – Хочешь попробовать?

Бондарев наотрез отказался. Не то чтобы он не любил рыбачить. Но делать это на виду у всех, сидя с удочкой возле чана с морской водой? По его мнению, так могли вести себя только извращенцы.

К счастью, в зале, куда привела его Кйоко, никто не рыбачил. Здесь ели. Жевали, глотали, поглощали, вкушали, пробова­ли на вкус – кто во что горазд. Основные блюда состояли из рыбы, риса и водорослей. Все это обильно сдабривалось соевым соусом и зеленым хреном васаби. Из чувства противоречия, Бондарев заказал жареную говядину с неблагозвучным названием «суяки» и соевый творог «тофу». От сакэ он наотрез отказался, испытывая сильнейшее отвращение к по-

догретой рисовой водке. Что касается Кйоко, то она лакомилась супом «мисо» и «тэмпурой», которая оказалась ломтиками рыбы, обжаренными в масле. Суши на столе отсутствовали, что, должно быть, шокировало официантов и посетителей. В японском рыбном ресторане это казалось дерзким вызовом.

В принципе ужином Бондарев остался бы доволен, если бы не звонкая трескотня Кйоко. Настроение омрачали еще два обстоятельства. Во-первых, в своем расследовании Бондарев не продвинулся ни на шаг. Во-вторых, он предпочел бы провести этот и другие вечера в обществе Мизуки Такахито, невзирая на все достоинства ее секретарши.

Когда Кйоко предложила переночевать у нее, Бондарев даже не потрудился придумать благовидного предлога, чтобы отказаться. Сказал, что очень устал, проводил ее и отправился восвояси.

Приближаясь пешком к своему отелю, он предвкушал, как примет душ и завалится спать, наслаждаясь тишиной, одиночеством и покоем. Однако мечтам, как это часто бывает, сбыться было не суждено. Примерно в квартале от отеля до ушей Бондарева донесся грохот взрыва. Он прозвучал приглушенно, но в том, что это был именно взрыв, сомнений не оставалось. Приблизившись к отелю, Бондарев увидел языки пламени, вырывающиеся из окна седьмого этажа.

Того самого этажа, где размещались его апартаменты!

Не трата времени на расспросы, он поймал такси и вер-

нулся к Кйоко. Девушка встретила его радостно, обрушив на него целый водопад своего красноречия, но, отстранив ее, он уселся перед телевизором на подушку и стал ждать выпуска ночных новостей. Притихшая Кйоко массировала ему спину и шею, когда на экране появился диктор с таким скорбным лицом, словно вышел закон, запрещающий потребление суши и ролл.

– Переводи, – велел Бондарев. – Слово в слово.

Она стала вслушиваться. С каждым мгновением ее узкие черные глаза округлялись все сильнее и сильнее. Бондарев заметил, что она побледнела столь же стремительно, как и Мизуки, когда Бондарев задавал ей вопросы про Хозяев северных территорий.

– Ну? – поторопил он японку.

– Говорят... – она запнулась.

– Продолжай!

– Говорят, что мистер Железняк погиб этой ночью. В его гостиничном номере сработало взрывное устройство. Получается... получается...

– Что получается? – мрачно спросил Бондарев.

– Что ты... покойник. Твое тело отправлено на экспертизу.

– Мое тело здесь, перед тобой. Напусти-ка горячей воды в ванну. Проверим, как ты умеешь заниматься любовью с покойниками.

Оказалось, Кйоко делала это с неподдельным энтузиаз-

MOM.

Второй день, проведенный на фабрике, выдался не более успешным, чем первый. Владелица опять отсутствовала, работники следили за Бондаревым подозрительными взглядами. Он решил задать им пару-тройку вопросов и привлек Кйоко в качестве переводчицы. Беседа закончилась с нулевым результатом. То ли они ни черта не знали, то ли Кйоко искажала перевод.

– Они что, – спросил Бондарев, – дали подписку о неразглашении государственной тайны?

– У нас секретное производство, – ответила Кйоко. – Мы опасаемся промышленного шпионажа.

Вчера она была куда более разговорчивой.

– Ладно, – вздохнул Бондарев, – веди меня к управляющему.

Однако знакомство с Хато Харакумо было таким же обескураживающим. Он оказался мрачным типом с замашками тирана, что было неудивительно для человека, державшего в ежовых рукавицах весь персонал фабрики. Руку при встрече не протянул, на традиционный японский поклон не расщедрился. Лишь слегка приподнялся над своим необъятным письменным столом, одарив Бондарева улыбкой, напоминающей гримасу человека, страдающего запором.

– Вы не похожи на торговца игрушками, – заявил он на

безупречном английском языке. Взгляд его был немигающим, как у змеи или ящерицы.

– А вы не похожи на менеджера фабрики игрушек, – парировал Бондарев.

Теперь обоим оставалось лишь уточнить, кто на кого похож, но, к счастью, они не стали этого делать. В противном случае беседа оборвалась бы, не начавшись. Бондарев, как лицо заинтересованное, пошел на попятный первым.

– Я действительно торгую игрушками, – произнес он, смягчив тон, – и приехал, чтобы приобрести партию ваших замечательных дедов-морозов.

– Откуда вы о них узнали? – недоверчиво спросил Харакумо.

– Мы у себя в России говорим: слухами земля полнится.

– И все же?

– Один мой партнер заключил с вами контракт. Не стану называть его имени, во избежание недоразумений.

– Сколько единиц вы хотите приобрести? – поинтересовался Харакумо таким тоном, будто речь шла об оружии или боеприпасах.

– Прежде чем принять решение, я должен увидеть ваших роботов в действии.

– Разве вам до сих пор не показали?

– Мне даже не позволили к ним пальцем прикоснуться.

– Как?

Тут Харакумо бросил испепеляющий взгляд на Кйюко, ко-

торая была готова сквозь землю провалиться, хотя это был всего лишь дешевый спектакль. Можно не сомневаться в том, что секретарша всего лишь выполняла распоряжения управляющего, который запретил подпускать гостя к готовой продукции и вообще посвящать его в какие-либо дела. Неужели ласки Кйоко были частью ее профессиональных обязанностей? Или сойтись с Бондаревым ей приказала Мизуки?

– Значит, я смогу присутствовать при демонстрации? – спросил он.

– Разумеется, – ответил Хато Харакумо и снова посмотрел на секретаршу. – Организуйте демонстрацию. Через пять минут я приведу мистера Железняк в зал совещаний.

Эти пять минут были безрезультативными. Бондарев стал расспрашивать управляющего о взрыве на фабрике, но услышал лишь неприкрытую ложь.

– В Японии не менее сорока других производителей игрушек, – говорил Харакумо с таким видом, словно передошл бы их всех собственными руками. – Из них три являются совместными японско-русскими предприятиями. Кто-то из них и подложил мину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.